

— Пока я жив — ты не поднимешься.

Прошлой ночью Шэнь Ле перебрал с выпивкой. Он был так уверен в своей победе, что полностью потерял голову, забыв о своей маске покорности и мягкости. Гу Янь не упустил шанса, язвительно прошёлся по нему.

Когда же Гу Янь парировал его выпад, в голове Шэнь Ле словно щёлкнуло — алкоголь мгновенно выветрился, и он почувствовал себя круглым дураком.

Все всегда считали его красивым, умным, удобным. Жизнь шла легко, по накатанной, и он сам утратил бдительность. Стоило добиться крошечного преимущества, как он тут же возомнил себя победителем, даже не дождавшись официального разрыва между Сюй Сяочжэнем и Гу Янем. И вот теперь — с торжествующим видом влез ему на шею.

Они с Гу Янем давно сцепились не на шутку, отлично знали, что между ними идёт война. Но вот слова, сказанные им прошлой ночью, ни в коем случае не должны дойти до Сюй Сяочжэня.

Гу Янь не блистал умом, но иногда его хватало на неожиданные ходы. Вчера, например, он вдруг позвонил. Шэнь Ле запаниковал: а вдруг тот записал разговор? Поэтому на всякий случай стал подыгрывать, идти на уступки, зондировать почву.

Когда Гу Янь увидел стикеры, что ему прислал Шэнь, злился до бешенства. А тот, словно ничего не понимая, продолжал слать сообщения:

[Братик, прими меня, ладно?]

[Братик, прости, если злишься, злись на меня, не трогай моего брата.]

[Ты всё ещё сердишься? Умоляю, не срывайся на нём.]

[Я вчера был пьян, если сказал что-то не так — извини. Просто мне жаль моего брата. Он такой хороший, а ты с ним так... Я знаю, он страдает, но не жалуется. Мне больно смотреть. Умоляю, будь с ним помягче.]

Гу Яня чуть не вывернуло от отвращения. Он мгновенно добавил отправителя в чёрный список, сжимая в руке телефон и расхаживая по комнате.

Он лелеял последнюю надежду: вдруг эти стикеры Сюй Сяочжэнь получил не напрямую от Шэнь Ле? Вдруг это кто-то из его друзей или одноклассников переслал?

Лишь бы Сяочжэнь сперва показал их ему, а уж потом Шэнь Ле — тогда его позиции ещё могут быть крепки.

Он нервно прохаживался по комнате, затем с яростью швырнул телефон:

— Чёрт возьми! У него же нет друзей! Кроме Шэнь Ле, кто вообще стал бы слать ему такое?

Он даже не мог обманывать себя.

Сейчас главное — как-то вернуть Сюй Сяочжэня. Уговорить его наконец-то сделать операцию на железе. А после оставить на нём метку. Тогда всё встанет на свои места.

Шэнь Ле слал эти мольбы вовсе не ради прощения. Он тут же сделал скриншоты и переслал их Сюй Сяочжэню, как бы невзначай, демонстрируя собственное унижение.

...

По телефону Шэнь Ле рыдал, жалуясь Сюй Сяочжэню:

— Братик, ты вчера даже не захотел поговорить со мной, не стал ужинать вместе... Я сразу понял, что это он тебя обидел. У него такой характер... Он ведь тебя ударил, да? Я и злюсь, и переживаю, а сделать ничего не могу. Вечером совсем приуныл, друзья потащили выпить. Я слаб к алкоголю, вот и наговорил ему всякого. Братик... он теперь злится? Я опять всё испортил?

— Если он правда тебя ударил, бросай его. Я о тебе позабочусь. У меня есть деньги. Я не могу смотреть, как ты страдаешь.

Сюй Сяочжэнь не стал его упрекать, наоборот — почувствовал себя виноватым. Как же так, что младший брат вынужден беспокоиться о нём?

Он его успокоил:

— Всё нормально. Я сам с ним поговорю, не переживай. Только, пожалуйста, не гуляй с этими подозрительными друзьями.

Последний инцидент в винном переулке до сих пор отзывался в нём тревогой, и он не мог не предостеречь брата.

Он знал: Шэнь Ле с детства был к нему привязан, видел в нём самого родного человека. И теперь, испуганный, с красными глазами, он, должно быть, боится, что будущий партнёр брата

его не примет.

Сюй Сяочжэнь чувствовал, как внутри разливается острая, тихая боль. Он ещё раз ободрил брата, но про расставание не сказал ни слова.

Шэнь Ле замер, услышав скрытый смысл: даже теперь он не хочет расставаться. Чем этот идиот Гу Янь его так зацепил?

Придётся действовать активнее.

...

Проснувшись, Сюй Сяочжэнь увидел, что следы на лице почти исчезли. Он собрал книги и вернулся в старое место в библиотеке.

У студентов второго курса политфака в первом семестре была полугодовая стажировка. Распределение происходило по среднему баллу за первый курс, а в конце практики ждал зачёт.

Оценка складывалась из учёбы и стажировки. Успех на этом этапе значил шанс остаться в первом секторе.

Сюй пришёл сюда именно ради этого — ради лучшего будущего.

Все чувства — к Гу Яню, тревоги из-за Шэнь Ле — должны были отступить, пока он сидел за этим столом.

Шэнь Ле сегодня выглядел ослепительно. На нём была нежная рубашка из жемчужно-белого шелка, украшенная лёгкими вставками из органзы цвета молодой зелени и бледной розы. Полупрозрачные полоски ниспадали с подола, создавая почти эфемерный образ. Мягкий шелк небрежно спадал на груди, обнажая тонкую, хрупкую ключицу.

Ткань поблескивала, словно встроенная подсветка, подчёркивая и без того неземную красоту его лица. Он и правда походил на драгоценную жемчужину.

На ногах — белые зауженные брюки. Лёгкий аромат духов, в которые был вплетён его собственный феромон, витал вокруг. Тёмно-каштановые волосы аккуратно уложены, фигура высокая, стройная, а на лице сияла тёплая, лучистая улыбка.

Когда он появился в библиотеке, это было похоже на появление лотоса среди летнего зноя — неожиданное и освежающее. Воздух, казалось, дрогнул, и в зале поднялась волна.

Шэнь Ле всего несколько месяцев назад вернулся в университет, но уже стал живой легендой. Возглавлял рейтинг признаний в любви, был самым красивым студентом А-класса мехфака, два года подряд занимал первое место в рейтинге по предметам. Блестящее будущее, внешность не хуже, чем у экранных кумиров, и при этом ни капли высокомерия. Неудивительно, что студенты сходили по нему с ума.

Но сегодня он был особенно ослепителен.

На него с изумлением смотрели не только омеги, но и немало альф. Некоторые из них, затаив дыхание, думали: “Если это Шэнь Ле э... может, и АА-пара — не худший вариант?”

И всё же им оставалось только молча смотреть, как он с изяществом и нежностью держит в руках маленький, изысканный торт, и идёт с ним в самый дальний угол библиотеки — к самому одиозному бете всего университета. Он опускается напротив него и... улыбается так искренне, что это ранит всех свидетелей в самое сердце.

Ходили слухи, будто Шэнь Ле как-то по-особенному относится к этому низкорощенному бете. Часто посещает его занятия, иногда перекидывается с ним парой слов. Кто-то даже предположил, что он может питать к нему симпатию, но большинство только фыркали: мол, какой альфа в здравом уме будет интересоваться бетой?

Тем более, просто совпали занятия, разговоры — элементарная вежливость. Шэнь Ле ведь добрый. Это не значит, что он влюблён в кого-то из низшей касты.

Тем более, весь университет знал: Сюй Сяочжэнь — любовник Гу Яня. Пусть и без официального статуса, но перехватить игрушку младшего генерала? Это же откровенная провокация.

Но сейчас всё стало неясно.

Шэнь Ле протянул торт Сюй Сяочжэню и шёпотом сказал:

— Братик, не грусти. Сладкое помогает. — Он чуть кивнул, давая понять, чтобы тот пошёл с ним.

Сюй Сяочжэнь посмотрел на него с теплом, но жестом остановил: не подходи близко, подожди, пока дочитаю.

Шэнь Ле с недовольством не сдвинулся ни на шаг. Упрямо смотрел на него, будто от этого взгляда зависела его жизнь. Сюй вздохнул, сдался, взял книги и, стараясь не привлекать внимания, вышел с ним из библиотеки.

Шэнь Ле отвёл его в безлюдный уголок, присел на корточки, аккуратно распаковал торт,

воткнул в него две свечи и зажёл. Потом поднял его двумя руками и, склонив голову, с бесконечной нежностью сказал:

— Братик, загадай желание. Пусть все печали улетят. Даже если кто-то обидел тебя, у тебя есть я. Я всегда буду рядом.

От торта веяло сливочной сладостью.

Сюй Сяочжэнь смотрел на Шэнь Ле, своего младшего брата. Тот сидел на корточках, глядя на него снизу вверх с сияющими глазами, в которых мерцали тысячи звёзд. Он нарядился ради него, словно тщательно упакованный подарок, ждущий, когда его откроют.

В горле защемило.

— Спасибо тебе, А-Ле, — тихо сказал он, срываясь на слезу.

Шэнь Ле взял его за руку, нежно поцеловал тыльную сторону ладони и поднял голову, улыбаясь:

— Я всегда буду рядом, брат. Всегда буду лучше всех. Так что те, кто причиняет тебе боль — ты не должен о них жалеть.

Мягкий свет разливался по его лицу, как сливочный крем, делая его ещё нежнее. Ветерок слегка колыхал его волосы, несколько прядей прилипли к губам. Его лицо, как будто утопало в весенней воде: настолько оно было прекрасно и живо.

Сюй Сяочжэнь, как замороженный, провёл рукой, убирая волосы за ухо. Легко кивнул:

— Раз торт ты принёс, давай задует свечи вместе.

Шэнь Ле радостно закивал и обнял его за талию. Вместе они задули свечи.

— Чмок! — Шэнь Ле поцеловал Сюя в щёку. — Ты счастлив? Всегда будь таким.

В это время, в отдалении, Гу Янь стоял с букетом свежих ландыши. Он застыл, глядя на эту сцену. Его пальцы так крепко сжали стебли, что те пустили сок. Лицо перекосилось. Он решительно рванул вперёд.

Шэнь Ле как раз разрезал торт, готовясь передать кусочек Сюй Сяочжэню, и увлечённо уговаривал его:

— Братик, раз ты уже не живёшь с ним, может, поживёшь у меня? Ну хоть пару дней. Мне так одиноко дома одному...

Сюй Сяочжэнь, взяв торт и приборы, замялся:

— Я подумаю...

От торта пахло сливками. Хотя он и любил сладкое, но мысль о том, чтобы его есть, вызывала у него тревогу: он хорошо помнил, как однажды после стакана молока у него началась аллергия.

Шэнь Ле с мольбой смотрел на него:

— Это я тебя напрягаю, да? Из-за меня даже аппетита нет...

Сюй не хотел его расстраивать. Медпункт был рядом, если что — успеет сбежать за лекарством. Он вздохнул и, скрепя сердце, отрезал кусочек мягкого бисквита.

В этот момент чья-то горячая ладонь обхватила его запястье. Вилка выпала в траву.

— У него аллергия на молоко. Ты даже этого не знаешь? — Голос Гу Яня звенел от сдержанной ярости. Он забрал у Сюя торт. — Впрочем, неудивительно. Вы столько лет не общались, конечно, ты не можешь знать его так, как я. В следующий раз будь внимательнее, братец.

Прошлые ошибки научили Гу Яня: если накинуться с криком, эффект будет обратный. Шэнь Ле только сильнее вцепится в Сюя, а тот — пожалеет сопляка. Сейчас главное было показать заботу. Он должен был вернуть Сюя.

Шэнь Ле растерялся, сбивчиво оправдывался, едва не плача:

— Я не хотел! Я правда не знал! В детстве мы были бедные, молоко было роскошью. Я не специально...

Сюй Сяочжэнь молчал. Он никогда не говорил Гу Яню о своей аллергии. Покупкой продуктов тот не занимался. Откуда же он знал?